

К вопросу о большевистской тактике в Октябре.

I.

Второе заседание С'езда Советов—вечером 26-го октября, утвердило предложенные Лениным декреты о мире и о земле. На этом же заседании С'езд избрал правительство.

То, о чем Ленин пишет через 4 года—в четвертую годовщину Октября, вскрывается с удивительной ясностью на II С'езде Советов:

«Непосредственной и ближайшей задачей революции в России была задача буржуазно-демократическая—свергнуть остатки средневековья, снести их до такой степени, чтобы Россия от этого варварства, от этого цуража от этого величайшего тормоза всякой культуры и всякого прогресса в нашей стране...

«...Мы довели буржуазно-демократическую революцию до конца, как никто...

«...Чтобы запретить за народами России завоевания буржуазно-демократической революции, мы должны были продвигаться еще дальше, и мы продвинулись дальше. Мы решили вопросы буржуазно-демократической революции походом, как «побочный продукт» нашей главной и настоящей, пролетарски-революционной, социалистической работы...» (Ленин. «К четырехлетней годовщине Октябрьской революции», том XVIII, часть 1, стр. 364—365).

Декрет о земле разработали социалисты-революционеры. Они—на основании 242 наказов, данных крестьянами делегатам I Всероссийского С'езда Советов крестьянских депутатов—составили «примерный наказ», суммировавший крестьянские требования. Они печатали его в «Известиях Всероссийского Совета Крестьянских Депутатов» 19 августа с тем, чтобы 18 октября опубликовать министерский проект закона о земле, в корне противоречащий наказу. Второй С'езд Советов, по предложению Ленина, превратил крестьянский наказ в закон. Этот закон представляет собой точную формулировку идеалов мелкого и среднего крестьянства. Конфискация помещичьих земель, передача их в ведение земельных комитетов, уравнительное распределение земли на основе потребительской и трудовой нормы,—все это целиком было взято из арсенала крестьянской демократии. Все это, предопределяя разрушение до конца помещичьего землевладения и связанных с помещичьим землевладением общественных отношений, не ломало бы устоев буржуазного общества, если бы, как во времена Великой французской революции, крестьянская война

была возглавлена мелкой буржуазией города, а не возглавлялась пролетариатом, устанавливающим свою диктатуру.

Интересы демократического развития страны требовали выхода России из войны. Выход из войны означал предотвращение того превращения России в колонию Антанты, которое Антанта планомерно и последовательно готовила еще накануне февраля 1917 года и особенно энергично—после февраля. Спасение страны от превращения в колонию англо-французского капитала необходимо и правильно рассматривать с точки зрения национально-демократического содержания революции. Экономически истощенная страна, притом страна отсталая, не могла четвертый год принимать участие в войне империалистических гигантов. Потому вся крестьянская масса требовала мира во имя, конечно, не социализма, а во имя скорейшего дележа земли и вследствие нечеловеческой усталости. Российская крупная буржуазия оказалась неспособной ликвидировать свою зависимость от англо-французского капитала и потому решительно отвергла попытки Германии и Австрии добиться сепаратного мира с Россией. Верхи мелкой буржуазии (меньшевики и эсеры), впряженные в колесницу крупной буржуазии, ни в один из моментов своего блока с кадетами во Временном правительстве не провели отличной от крупной буржуазии иностранной политики. В силу того, что российская буржуазия, как крупная, так и мелкая,—оказалась неспособной ни выйти из империалистической войны, ни вести эту войну успешно, решение вопросов войны и мира выпало на долю пролетариата революции. Именно поэтому декрет о мире Второго Съезда Советов взял на себя выполнение не только того, что требовали интересы пролетариата-социалистические, но и того, что требовали интересы национально-демократического развития страны.

Буржуазно-демократическое содержание Октябрьской революции и определяло ту поддержку революции со стороны крестьянских масс, которая позволила рабочему классу нанести буржуазии удар сокрушающей силой и быстроты. Но вульгаризацией истории была бы великая попытка свести значение Октябрьской революции к ее демократическому содержанию. Десятки демократических революций пережил мир, но ни одна не подняла таких огромных масс—подлинно миллионов людей—на высоту штурма всех коренных устоев старого мира, и ни одна из них не довела дела демократической революции действительно до конца. И объяснять нужно, анализировать нужно не столько «демократическое лицо» Октябрьской революции, сколько то, почему именно Октябрьской революции удалось с силой шквала, уничтожающего все на своем пути, сметающего любые препятствия, штурмующего самые незыблемые для буржуазии устои ее мира, вырвать до конца из русской почвы—вырвать притом одним сокрушающим ударом—все остатки средневекового помещичьего варварства. Мелкобуржуазные политики, опошляющие марксизм,—от русских меньшевиков до Отто Бауэра,—вульгаризируют историческое лицо Октябрьской революции, сводя ее к ее демократическому содержанию, в то же время отказываясь от ответа на вопрос, почему именно Октябрьской революции удалось с такой необычайной силой, быстротой и решительностью—притом подлинно «мимоходом»—разрешить те задачи демократической революции, которые до конца до сих пор не решили такие передовые